

Моя фамилия

Прадед мой, тихо канувший в небыль,
был по-своему жизнью томим:
основал он фамилию — Немов,
потому что родился немым.

Красотою зари околдован,
он стоял, на движения скуп,
и мычало в нем первое слово
и ни разу не падало с губ.

Я несчастье его понимаю,
сколько раз на коротком веку
мне казалось: я тоже немая
и сказать ничего не могу.

Но, замучившись снова и снова
и шептать, и смотреть на зарю,
я промолвила первое слово,
удивляясь сама: говорю!

Я на моторочке
по морю плавала,
от счастья прыгала,
от страха плакала.
Ходила, глупая,
вдали от берега,
до нитки вымокла
в платьишке беленьком.

Накаты черные
и море — горкою,
плевалась за борт я
водою горькою,
водою свежею
еще раз вымылась
и только к вечеру
на берег выбралась.
А там дожди метут,
там листья кружатся,
на крыши черные
там небо рушится,
от страха злые псы
ушами прядают,
вороны головы
под крылья спрятали,
знакомый тополь мой
поник и вылинял,
и я одна смеюсь
под злыми ливнями.
Шагаю босая,
ветрам открытая.
Мне нипочем дожди:
я морем мытая!

Не смей закаты рисовать,
не смей смотреть на звезды,
не смей вопросы задавать,
не смей гулять так поздно,
не смей брать в руки жаб и змей,
не смей твердить: сумею.
И тут не смей,
и там не смей...
А я смеюсь
и смею!

Анива

Пьешь вино и бархатное пиво,
бегаешь по тоненькому льду,
у залива с именем Анива
чаек ты сбиваешь на лету.

Пуля твоя — меткая на диво,
не минула белого крыла.

Но рекой по имени Анива
раненая чайка уплыла.

Сядешь после ужина лениво,
бахрому на кресле теребя,
девочка по имени Анива
черноглазо глянет на тебя.

Ну а я? Живу, дышу июлем,
простирну — сушу на ветерке.
Все нормально. Даже след от пули
вовсе не заметен на руке.

Медведь

А когда в речке рыба плеснула
и погасла зари полоса,
я нечаянно молча взглянула
в его черные злые глаза.

Разойтись — ни малейшей надежды.
Я бежала к родному крыльцу
так, что сучья срывали одежду
и хлестали кусты по лицу.

И теперь, когда мало народа
и ночами не видно ни зги,
по траве моего огорода
бурый зверь нарезает круги.

Он с веревки украл мое платье,
он приходит теперь даже днем,
и от страшных медвежьих объятий
я уже ускользаю с трудом.

Из-за дерева в черных накрапах
он мне в спину хрипит горячо,
а вчера волосатую лапу
тяжело положил на плечо.

Я не знаю, что будет со мною.
Паутинкой надежда блеснет:
скоро лето пройдет, и зимою
мой медведь под корягой уснет.

Красноперка

Мы на рыбалку собирались,
нам ветер с речки дул в лицо,
и червяки бесшумно дрались
в коробках из-под леденцов.

Несли в руках мы по ведерку,
и нас легко тропа вела
через поля за красноперкой,
что в речке Каменке жила.

Ах, золотая чудо-рыбка!
Рванет крючок, и через пласт
воды, сквозь удочку и руку,
до сердца трепет передаст!

А детство прыгнуло с пригорка,
умчалось к речке хохоча.
Живет там рыбка красноперка.
Да как поймать ее сейчас?

Поречье

За сопками, за речкой —
ах, сколько лет прошло! —
лежит мое Поречье —
завидное село.
Березовые ветки
и крыши вдалеке —
как новые монетки
у сопок в кулаке.
Шиповник — он кололся,
но подарил цветы.
Тропиночка к колодцу,
и чистота воды,
и чистота заката
за белизной моста,
и вечная загадка
рождения листа.
Пустое — приобщаться
к далеким и чужим.
Простое наше счастье —
прийти туда, где жил.
И проступают резче
начала всех начал.
Село мое, Поречье, —
и радость, и печаль!

Будет поздно или рано,
только вдруг заметишь ты
чей-то пристальный и странный
взгляд в окно из темноты.

Отодвинешь тихо шторы
и погасишь в доме свет,
сквозь окно взглядишься в город:
никого как будто нет.

Никого. Покой вселяют
темнота и тишина,
только звезд глаза сияют
и прищурилась луна.

Никого. Блестит и светит
льдами-линзами река,
жмурит окна дом соседний
из-под крыши-козырька,

да во тьме таращит очи
на большие дерева
белый символ черной ночи —
заполярная сова.

И, поймав глаза чужие,
вздрагнешь ты еще не раз.
Взгляд, уму непостижимый,
вездесущ и многоглаз.

Кто ты? Где твоя дорога?
И с каких иных вершин
смотришь ты всегда так строго
в тайники моей души?

Кольцо

Еще вчера лесная речка
вздыхала тихо подо льдом,
еще вчера на вербе почка
зеленым вспыхнула листом,
еще вчера кукушка-сводня
накуковала мне кольцо
и улетела. А сегодня
июль смеется мне в лицо!

И от жары мелеет речка,
знакомый лист лежит в пруду,
а обручальное колечко
так закатилось — не найду.
Вот-вот зима свое вязанье
раскинет, инеем шурша,
застынут в точке замерзанья
и лист, и речка, и душа.
Но, в белый снег устав рядиться,
я разгадаю эти сны:
все умирает, чтоб родиться
для новой, будущей весны.
И в сотый раз, как будто в первый,
я в речке руки остужу,
найду кольцо, поглажу вербу
и «здравствуй» солнышку скажу.

Городок у моря

Мы забываем, что живем у моря,
хотя до моря — лишь рукой подать.
Нам за делами, радостью и горем
его громады как-то не видать.

О чем его прилив шумит упорно
среди вековых утесов и камней,
каких в порыве творческого шторма
зверей нашлифовало из корней?

Его с ветрами буйственные споры,
его восходов светлые пути
неведомы для нас. Хотя до моря —
лишь пыльную дорогу перейти.

Я помню: елка загоралась,
являлся Дед Мороз с мешком,
сестра на танцы собиралась,
а сын под стол ходил пешком.

В окно стучала кисть рябины,
спала собака за углом,
а во дворе дрова рубили
соседи ржавым топором.

Прошли года. Собака сдохла,
сын в край далекий улетел,

сестра в Крыму, живет неплохо,
а Дед Мороз ушел в метель.

И у меня теперь в итоге —
одна рябина под окном
да по соседству у дороги —
тень человека с топором.

Глагольное

Уронишь — поднимешь,
упустишь — поймаешь,
оденешься — снимешь,
наладишь — сломаешь.

Разбитое клеишь,
пропавшее ищешь.
То пышешь, то тлеешь,
то внемлешь, то пишешь.

Не то говорил,
не так поступал?
Как сам заварил,
так сам расхлебал.

Судьбина твоя
от первого вздоха —
спираль бытия:
то ладно, то плохо.

И крутишься ты,
как можешь и хочешь,
в кольце суеты
с утра и до ночи.

А встанешь — опять
то сеешь, то пашешь.
Лишь яму копать —
уже дело не наше.

О пользе отключения электроэнергии

Если б счастье зимой не теряла —
не нашла бы надежды к весне,
если б я в самолетах летала,
то уже не летала б во сне.

А утратив, опять замечаю,
что взамен получу, что хочу.
Сожалею: нам свет отключают,
но зато зажигаю свечу.

Ах, свеча! В старомодные дали
ты уносишь, легка и строга.
...Если б свет неожиданно дали —
не сложилась бы эта строка!

Октябрь

Осень самая длинная,
серый сон наяву.
Под раскосыми ливнями
сосны к морю плывут.
Лету — светлomu, добромu —
чей-то крик: — Подожди!
Листья падают в обморок,
замолкают дожди.

О счастье

Звали все несчастливой
с молодых юных лет,
я бродила под ливнем
наказаний и бед,
жизнь видала воочию
не с фасада — с торца,
хоронила по очереди
мужа, сына, отца.
Пел мне песни прощально
ангел белый как мел,
взять с собой обещал он,
только Бог не велел.
Оглянувшись на прошлое
из потерь и обид,
позабыта, заброшена,
вновь училась любить
ленту радуги тонкой,
пыль тропинки лесной,
смех чужого ребенка,
слезы бабки чужой.
Мне теперь и под ливнем
каждый встречный — родня.
«Есть же люди счастливые!» —
говорят про меня.

Секрет

Не ищи в стараньях откровенья,
не смотри задумчиво в окно, —
не пиши свое произведение,
коль никак не пишется оно.

Музыканты, роботы стальные,
склеившие музыку «на пять», —
в тишине есть звуки неземные,
весь секрет — услышать и напеть.

Рисовальщик с даром выше крыши,
ты не мучай кисти и тетрадь,
есть картинки, созданные свыше,
весь секрет — понять и срисовать.

Коль не расцветает мертвый стебель —
может быть, не стоит и спасать?
Есть стихи, рожденные на небе,
весь секрет — увидеть и списать.

Кто?

Стук. Распахиваю дверь
и гадаю праздно:
кто там — коршун прилетел
или сокол ясный?

Перешел через порог,
за плечами темень.
Кто ты — дьявол или Бог,
ангел или демон?

Что с собою ты принес
из весны в тумане —
три бутона белых роз
или нож в кармане?

Кто ты — тяжкая гроза
или лучик в мае?
Я стою. Смотрю в глаза.
И пока не знаю.

Ночь

Какая ночь! Какая
горячая весна!
Свой полог опуская,
дрожала тишина.

И зрели в этой ночи
и глубь, и высота,
и не глаза — а очи,
не губы — а уста.

Слова, слова, слова...
И все уже не ново.
Не вечна лишь молва,
но вечно слово.

На это — карантин,
тому — грозит облава,
и корень не един
у слов «слова» и «слава».

Лихой удел — понять
закон их тайной доли,
подбрасывать и мять,
как мячики в ладони,

оттачивать на бой
и шлифовать почище,
носить всегда с собой,
как нож за голенищем.

Дурного не твори —
со мной святая сила.
Спасибо говори,
что словом не убила.

